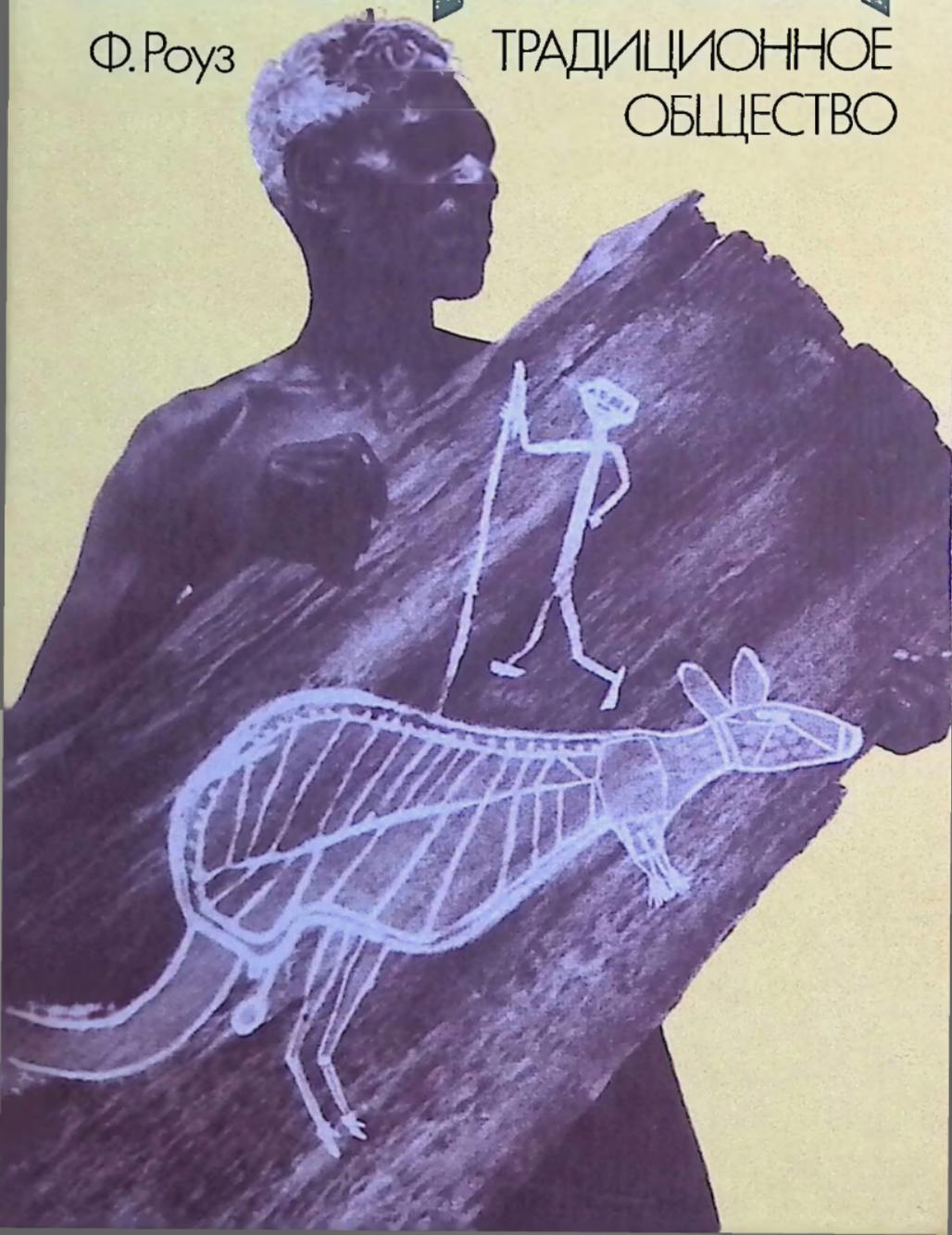

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

Ф. Роуз

ТРАДИЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО

Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

ТРАДИЦИОННОЕ
ОБЩЕСТВО

Перевод с английского
Е. В. ГОВОР

Редакция
доктора исторических наук
В. Р. КАБО

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»
1989

ББК 63.5(3)

Р 79

Переводчик *Е. В. Говор*

Роуз Ф.

П 79 Аборигены Австралии. Традиционное общество.:
Пер. с англ./Ред. В. Р. Кабо.— М.: Прогресс, 1989.—
320 с.

ISBN 5—01—001656—2

На основе обширного, во многом уникального материала в книге дана развернутая характеристика производственных отношений коренного населения Австралии, находящегося на ранней стадии социального развития, и показано их определяющее влияние на формирование культуры. Значительное место в работе уделено совершенствованию орудий труда, вопросам собственности на землю, взаимоотношениям внутри общины и семьи, эволюции традиционного способа производства.

Автор книги — участник многих научных экспедиций, около двадцати лет возглавлял кафедру этнографии Берлинского университета.

Р $\frac{0505000000-103}{006(01)-89}$ 10—89

ББК 63.5(3)

ISBN 5—01—001656—2

*Редакция литературы
по международным отношениям и истории*

© F. Rose

© Перевод на русский язык и предисловие, издательство «Прогресс», 1989

Предисловие

Имя Фредерика Роуза известно советским читателям — в нашей стране были опубликованы две его книги: «Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры» (М., 1972) и «Аборигены Австралии» (М., 1981). Ф. Роуз — этнограф, автор многочисленных работ, посвященных аборигенам Австралии, их истории и современному положению, общественному строю и искусству. Как его научные труды, так и популярные книги в значительной мере основаны на собственных полевых материалах, собранных во время длительного пребывания среди аборигенов Северной Австралии в 1930—1940-е годы, когда аборигены этой части континента еще не испытали разрушительного воздействия европейской колонизации, а также в ходе нескольких последующих экспедиций. Непосредственное и всестороннее знакомство с жизнью аборигенов придает книгам Ф. Роуза ценность первоисточника.

В книге, которая предлагается вниманию читателей, Роуз впервые обращается к теме, еще очень слабо разработанной наукой — к социально-экономическим отношениям в традиционном обществе австралийских аборигенов.

В нашей стране переведены и изданы два фундаментальных труда, показывающих общественный строй и культуру аборигенов Австралии такими, как они сложились на протяжении многих тысячелетий самостоятельного

развития этого народа — «Коренное население Австралии» А. Элькина (М., 1952) и «Мир первых австралийцев» Р. и К. Берндтов (М., 1981). Значение этих классических книг трудно переоценить — общество и культура коренных австралийцев давно и справедливо рассматриваются мировой наукой как своего рода эталон первобытной культуры, первобытного общества на одном из ранних этапов его развития, соответствующих (по археологической шкале) позднему палеолиту и мезолиту. Иными словами, по аборигенам Австралии можно судить о том, как жили и народы других континентов в эпоху каменного века, когда закладывались основы человеческой цивилизации. В этом отношении материалы австралийской этнографии имеют особенно большую ценность еще и потому, что аборигены пятого континента на протяжении по крайней мере 40 тысяч лет развивались в почти полной изоляции от остального мира.

Сказанное объясняет пристальное внимание науки к этому уникальному обществу, объясняет, почему традиционный общественный строй и культура аборигенов Австралии издавна являются предметом интенсивного изучения. Но несмотря на это, недостаточно исследованной областью остается, как сказано, их экономика, система производственных отношений, т. е. самая основа традиционного общества. Она-то и составляет главную тему труда Ф. Роуза. Как исследователь-марксист, он не мог пройти мимо того, что заложено в основе социального строя и культуры человеческого общества на любой ступени его развития. Такого монографического исследования экономики аборигенов Австралии в мировом австраловедении еще не было.

Существует немало работ, посвященных различным сторонам жизни аборигенов Австралии в тот период их истории, когда они еще сохраняли традиционные основы общественного быта и культуры, когда последние еще не были искажены или разрушены европейской колонизацией. Тем не менее книга Ф. Роуза занимает в ряду этих работ особое место. Она существенно дополняет все ранее написанное об австралийских аборигенах. Роуз сам справедливо говорит о том, что потребность в таком исследовании давно назрела. Автор стремится подвергнуть традиционный способ производства в обществе аборигенов

Австралии материалистическому анализу, и в таком объеме делается это впервые. Производительные силы и производственные отношения, естественное и общественное разделение труда, производственные объединения, формы собственности исследуются им как единая, целостная интегрированная система, разносторонне и глубоко. Невозможно, например, понять отношения собственности на землю у аборигенов Австралии, не принимая во внимание взаимодействие традиционных норм и обычаев, специфических для первобытного общества родственных связей и связей по браку, которые интегрируют общество, занимают в нем особое место, непривычное для человека иной культуры. Его анализ прежде всего данной темы основан — что очень важно — на полевых наблюдениях автора. Добавим к этому, что Роуз обладает редкой способностью видеть факты и теоретические проблемы непредвзято, собственными глазами, и выводы его всегда оригинальны. Во многом именно поэтому книга Ф. Роуза представляет большой интерес для советского читателя.

Ф. Роуз начинает книгу с критического анализа исходных методологических принципов, на которых строятся работы его предшественников, затем изучает традиционное австралийское общество и человека как главную производительную силу, обращая при этом особенное внимание на демографические параметры. Он не стремится охватить все аспекты проблемы, а останавливается на теоретически важных и в то же время мало изученных — численности и плотности коренного населения и способах их оценки, количестве аборигенов, с которыми отдельный абориген вступает в контакт на протяжении жизни, значении генеалогий и проблеме их использования для демографической статистики, возрастной структуре общества и приемах определения возраста аборигенов в традиционных условиях, возрасте вступления в первый брак, инфантициде и гомициде и т. д.

Отдельная глава книги посвящена земле как основному средству производства. Здесь автор заостряет внимание на вопросе, который приобрел большую актуальность в настоящее время в связи с борьбой аборигенов за возвращение им земель, принадлежавших их предкам, а именно: чем прежде всего выступает земля в глазах самих аборигенов — объектом экономических отношений и интересов или местом, где расположены тотемические святилища. Вопреки мнению многих западных авторов, Ф. Роуз при-

ходит к выводу, что экономическое значение земли является и объективно, и для самих аборигенов фактором важнейшим и определяющим. Он приходит к такому выводу на основе этнографических данных, относящихся к прошлому, и фактов, обнаружившихся в самое последнее время.

В книге рассказывается об орудиях труда и способах их применения в производственном процессе. Здесь мы не находим исчерпывающего описания орудий, на которых основывалось хозяйство аборигенов в традиционных условиях, — оно сделано другими авторами. Зато в этой главе (как, впрочем, и в других) читатель найдет немало интересных, оригинальных выводов и фактов, основанных во многом на собственных наблюдениях автора и иногда разрушающих привычные представления.

В главе о традиционном разделении труда в обществе аборигенов большое внимание уделено наименее исследованному аспекту — разделению труда, основанному на возрастных различиях: в каком возрасте абориген включается в общественное производство, когда он перестает принимать в нем активное участие и — что особенно интересует автора — когда абориген достигает вершины своих возможностей как участник производственного процесса.

Заключительные главы посвящены анализу традиционных социальных институтов, их месту и роли в общественном производстве — семье, роду (по терминологии автора, «патрилинейной землевладеющей локальной группе»), объединению родов, или племени, и, наконец, производственной группе, или общине. Эти главы являются основными, стержневыми главами всей книги.

Здесь мы и подходим к одной из главных проблем исследования — вопросу о собственности, к той проблеме, без правильного понимания которой невозможно понять экономику первобытного доземледельческого общества в целом.

По мнению Ф. Роуза, носителем отношений собственности на основное средство производства — на землю — является та социальная общность, которую он называет патрилинейной землевладеющей локальной группой. Вот как он характеризует рассматриваемую общность. Прежде всего это объединение родственников, связанных происхождением по одной, а именно отцовской, линии, иными словами, то, что принято называть патрилинейным родом.

Как считает Ф. Роуз, именно такая группа и является субъектом коллективной собственности на землю. Вместе с тем отношения собственности, присущие этой группе, выступают в религиозной (тотемической) форме, иначе говоря, реализуются как отношения по содержанию, по сути экономические, а по форме религиозные. Указанное обстоятельство и мешает, по мысли Ф. Роуза, пониманию группы как собственницы земли в экономическом смысле — вместо этого отношение данной общности к земле рассматривается обычно как религиозное по своей природе.

Однако такое отношение к земле, полагает Ф. Роуз, должно основываться на экономической собственности на землю. Автор, к сожалению, почти не показывает, в чем же реально выражалась экономическая собственность рода на землю, каковы были хозяйственные функции этой общности. По его словам, любой абориген фактически имел право жить, а значит, добывать пищу на земле нескольких родов, и конфликтов из-за собственности на землю в этих случаях не возникало. Один из немногочисленных фактов, приводимых им для подтверждения своей концепции, согласно которой род обладал экономическими функциями,— существование в некоторых местах Австралии лиц, которые в соответствии с нормами обычного права руководили выжиганием травы для общей охоты или организацией некоторых других коллективных действий. Обычно это были старшие члены того же рода и мужчины, принадлежащие к другому, строго обусловленному нормами, роду. Характеризуя подобные отношения, Ф. Роуз пользуется терминами «управляющие» и «владельцы», заимствованными из описаний обрядовой практики австралийцев. Мы узнаем, однако, что получить согласие на то или иное хозяйственное мероприятие у членов рода, который номинально считается владельцем территории, при свойственной австралийцам территориальной разобщенности, было совсем не просто, и такое требование на практике часто не соблюдалось. Ведь члены рода были рассеяны на большой территории, никогда не жили все вместе в одной группе, иначе говоря, род в действительности не был в полном смысле слова «локальной группой», как называет его Ф. Роуз, и факты, приводимые им, свидетельствуют об этом.

Ф. Роуз отмечает, кроме того, что, предоставляя своих женщин в качестве жен другим родам и получая жен от

них, род, на началах взаимности, приобретал право пользоваться их землей и, наоборот, предоставлял свою землю в пользование представителям других родов. Это, полагает Ф. Роуз, также говорит в пользу того, что род был землевладеющей группой. Автор, однако, сам замечает недостаточную убедительность приводимых аргументов, и его собственное сомнение в их доказательности обнаруживается в конце второго раздела седьмой главы.

Как же понимает Ф. Роуз ту социальную общность, которую он называет производственной группой, т. е. общину? Почему именно этот коллектив, а не патрилинейную землевладеющую локальную группу он называет «производственным» и почему, в его представлении, производство, добывание средств существования на земле отделено от собственности на эту землю, почему субъектами этих отношений, казалось бы тесно связанных, оказываются разные социальные общности? Ведь, по определению самого автора, производственная группа является главной производственной ячейкой общественной структуры; ведущая ее функция — добывание средств существования охотой и собирательством. И этим функции производственной группы не ограничиваются, внутри ее происходит и распределение добытых продуктов. Иначе говоря, весь производственный цикл осуществляется внутри этой группы.

Ф. Роуз утверждает, что производственная группа непосредственно имела право заниматься выжиганием растительности, этим ведали «управляющие» и «владельцы». Но ведь выжигание травы далеко не самая важная хозяйственная функция, оно происходило в относительно редких случаях, при совместной охоте нескольких производственных групп. А как же обстояло дело в повседневной жизни, когда охотой и собирательством занималась одна производственная группа? Об этом, к сожалению, автор пишет недостаточно, а между тем перед нами главная форма хозяйственной деятельности аборигенов в традиционных условиях. Отметим, что и распределение пищи, по данным самого Ф. Роуза, вопреки родовым нормам, на практике осуществлялось без обязательной связи с родственными или родовыми отношениями.

Состав производственной группы не был строго обусловлен вхождением ее членов в ту или иную патрилинейную землевладеющую локальную группу и определялся наряду с этим и другими факторами — дружескими связя-

ми, соображениями экономической целесообразности и т. д. Производственная группа могла формироваться вокруг одного, главного, или локализованного, рода как своего ядра. Однако такие локально-родовые производственные группы, или общины, существовали не повсеместно — имелись и гетерогенные общины, образованные из людей нескольких «равноправных» родов.

Таким образом, производственная группа состояла из представителей двух или более родов. Иначе и не могло быть — неписанный закон родовой экзогамии запрещает людям, принадлежащим к одному роду, вступать в брак друг с другом, члены одного рода всегда должны брать мужей и жен в других родах, и поэтому в семье муж и жена всегда принадлежат к разным родам. А производственная группа формируется из семей. Вследствие всего этого часть членов производственной группы, пришедшая из других родов, должна добывать средства существования на земле не своего собственного рода; ведь в отличие от рода производственная группа — единый хозяйственный организм, она функционирует как одно целое. Казалось бы, сказанное подтверждает концепцию Ф. Роуза, а именно что собственность на землю и производственные функции в традиционном обществе аборигенов не совпадали, что род действительно был землевладеющей группой. Но именно это и остается недостаточно аргументированным.

Глава, посвященная производственной группе, содержит поистине уникальные материалы собственных полевых исследований автора. Ему удалось изучить одну из общин о-ва Грут-Айленд в то время, когда население острова еще не было затронуто воздействием европейской колонизации. Автор выяснил родственные отношения членов общины, их родовую принадлежность, возраст, характер взаимоотношений юношей и их «наставников». Перед нами — классическая община, группа людей, принадлежащих к нескольким родам (причем к разным родам принадлежат и мужчины, родившиеся в общине), живущая на земле рода, к которому относится лишь часть ее членов. Это не вписывается в концепцию автора, согласно которой род является землевладеющей локальной группой. Вопрос о соотношении рода и общины, о том, как соотносятся территория рода и территория общины, на которой фактически проходила вся жизнь человека, остается по-прежнему открытым.

Мы отчетливо видим, каким представляется Ф. Роузу

экономическое значение двух важнейших социальных общностей традиционного австралийского общества — патрилинейной землевладеющей локальной группы и производственной группы. Отметим сразу же как достоинство его исследования тот факт, что он различает эти общности и каждую из них рассматривает отдельно. В действительной жизни любого первобытного доземледельческого общества — не только австралийского — названные общности тесно связаны: общины состоят из представителей двух или более родов, люди одного рода входят в разные общины, тесно переплетены и некоторые функции этих социальных институтов. И все же научный анализ дает возможность расчленить их и очертить круг деятельности каждого из них, найти истинное место каждого в жизни общества в целом.

До сравнительно недавнего времени в советской этнографии эти первобытные общности большинством исследователей либо не расчленялись, либо недооценивался такой социальный институт первостепенной важности как община. А так как исследователям было ясно, что общество не может существовать без производства материальных благ, что производство является основой жизни любого общества, в том числе и первобытного, функция производства обычно приписывалась роду и последний рассматривался как производственная ячейка традиционного первобытного общества. Надо сказать, что потребовался ряд острых дискуссий, чтобы была признана правота тех исследователей, кто выделял общину как один из основных социальных институтов первобытности, как носительницу важнейших производственных функций. Без выделения и изучения общины как универсальной ячейки первобытной социальной структуры невозможно понимание не только экономики — всей жизни первобытного общества.

Возникнув на заре человеческой истории как форма организации общественного производства, как оптимальная форма организации всей жизни формирующегося человеческого общества, община затем прошла длительный путь исторического развития и сохранилась вплоть до этнографической современности у охотников и собирателей многих географических зон земного шара, включая и аборигенов Австралии. Менялись формы общины, но сама община как социальный институт сохраняла на протяжении всей истории первобытного общества свое значение, свою ведущую социально-экономическую роль. Она

была основополагающей общественной формой первобытно-общинного строя, на ее основе сформировались другие его структуры, в том числе родовые, она стала ключом к пониманию многих важнейших его общественных функций.

Первобытная община основывается на коллективной собственности на землю, которая выступает как главное условие и средство производства, источник всех материальных ресурсов жизни общества. Анализ общинных структур многих первобытных доземледельческих народов земного шара показывает, что отношения производства и собственности на землю и естественные ресурсы в этих обществах нераздельны и сосредоточены в общине. Не являются исключением и аборигены Австралии. Мы имеем здесь дело с явлением типологическим, универсальным. Собственность на землю как источник средств существования, как экономическое отношение реализуется в раннем первобытном доземледельческом обществе только через отношения производства и распределения, а их носителем является прежде всего община. По словам Ф. Энгельса, для первобытного общества характерна собственность, созданная своим трудом (См.: Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 159). Земля как источник средств существования находится в коллективной собственности тех, кто трудится на ней,— в собственности общинной.

Уже самой ранней формой собственности было отношение возникающего общества к естественному условию производства — земле, и отношение это не могло не принимать форму общинной собственности на землю. Отношение к земле как собственности в процессе становления общественного производства было, говоря словами К. Маркса, «опосредовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как члена какой-либо общины» (К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 473). Первобытная община, для которой характерно природное единство с объективными, естественно сложившимися условиями производства, выступает, согласно К. Марксу, в качестве «первой великой производительной силы», а само это единство — как «особая форма собственности» (там же, с. 485). Община — естественно сложившаяся форма, в которой возникло общество,— преобразовала

присвоение земли как условие производства в общую собственность на землю. Иначе говоря, на ранних стадиях общественного развития коллективное производство основывалось на общинной собственности на территорию, которую община осваивала, и ее естественные ресурсы.

То же относится и к более поздним обществам охотников и собирателей. Так, у тасманийцев, находившихся на стадияльно самом низком из известных этнографии уровней общественного и культурного развития, как и у всех других охотников и собирателей, основной экономической ячейкой общества, главным производственным коллективом была община. Земля с ее ресурсами находилась в собственности коллектива, добывавшего на ней средства существования, — в собственности общины; общинная территория считалась «страной» общины. Существовала ли у тасманийцев родовая организация? Источники не дают ответа. Исторически с развитием и укреплением рода последний принимает на себя и некоторые экономические функции общины, в недрах которой он сформировался, но произошло ли это уже у тасманийцев, мы не знаем.

То же самое наблюдалось и у австралийцев, живших в традиционных или близких к ним условиях, хотя родовая организация достигла у них большого развития. Многочисленные факты показывают, что во всех племенах обширного континента каждая община имела в своей коллективной собственности определенную территорию со всеми ее животными, растительными и минеральными ресурсами. Правда, реализация отношений собственности, связи общины с осваиваемой ею территорией — такую связь можно назвать общинной территориальностью — имела неоднозначное нормативное выражение: в одних случаях переходить границы этой территории представителям других общин разрешалось только с согласия владельцев, и произвольное нарушение границ вело к столкновениям, в других, сравнительно более редких случаях, соседние общины одного племени добывали пищу и минеральное сырье на землях друг друга, не испрашивая особого разрешения. В этих случаях собственность отдельных общин на землю не была абсолютной, и общины одного племени рассматривали его территорию как их общую кормовую область. Такая ситуация позволяла им успешно осваивать всю территорию племени с ее разнообразными естественными ресурсами, ориентируясь в разное время года на

добывание то одних видов пищи, то других. Общины как бы попеременно обменивались продовольственными ресурсами, сводя, таким образом, к минимуму неоднородность экономических условий, угрожающих отдельной общине голодом, если бы территориальность жестко соблюдалась. Но нужно отметить, что свойственное всем аборигенам представление о связи отдельных общин с определенными территориями неизменно сохранялось.

Не опровергают ли приведенные факты концепцию общинной собственности на землю? Думаю, что нет — они лишь демонстрируют пластичность и адаптивность первобытного общества, его приспособляемость к изменчивости экологических условий, в соответствии с которыми оно меняет и свои социальные отношения и нормы, делает их более жесткими в одних случаях и смягчает, когда необходимо, в других.

По мнению некоторых исследователей, в тех случаях, когда ядром австралийской общины является локализованный патрилинейный род (мужчины которого живут почти постоянно на земле своей общины), земля находится в собственности локализованного рода. Но на этой земле постоянно живут только мужчины локализованного рода, а женщины, вступая в брак, уходят в другие общины. В то же время жены этих мужчин, приходя из других общин и оставаясь членами своего рода, наравне со своими мужьями участвуют в общественном производстве и имеют фактически те же права на природные богатства общинных земель. Все основные, повседневные экономические функции, включая производство, распределение и потребление продукта, община осуществляет как единый производственный коллектив, независимо от родовой принадлежности ее членов. В чем же выражается собственность рода на землю, в каких реальных экономических функциях она реализуется? Здесь, безусловно, наблюдаются те факты, о которых упоминает Ф. Роуз, связанные с перенесением на род некоторых экономических функций, но их все же, по моему мнению, не достаточно, чтобы говорить о собственности рода на землю как экономическом отношении.

У аборигенов Австралии отношение рода к земле главным образом тотемическое, религиозно окрашенное. Между тем охотничье-собираТЕЛЬские угодья общины экономически осваиваются всеми ее членами, а иногда и членами других общин, как правило, независимо от их

родовой принадлежности. Род и община тесно связаны, но по своей сущности, по происхождению род — институт не экономический. Если для общины земля выступает как экономическая основа ее существования, то членов рода интересуют прежде всего тотемические святилища, расположенные на ней.

Конечно, в основе тотемических связей с землей находятся хозяйственные связи, в чем Ф. Роуз абсолютно прав и что очень убедительно доказывает. Но, наверное, не следует упускать из виду то обстоятельство, что это, по существу, экономические связи общины со своей землей, что и сама родовая организация формируется в недрах общины. Сформировавшись, род преобразует изначально существующие объективно-экономические связи, которые теперь принимают религиозно-мифологическую ритуализованную форму. Однако сама земля, на которой расположены тотемические святилища, по-прежнему экономически осваивается всей общиной, а не только членами определенного рода. Права членов общины на природные богатства общинной территории определяются — хотелось бы отметить еще раз — не принадлежностью к роду — в этом отношении члены общины равноправны. Ограничения или преимущества в правах на те или иные продукты охоты или собирательства, существующие внутри общины, обычно определяются принадлежностью к различным половозрастным группам, из которых состоит община. Но это не вносит в общину какого-либо элемента экономического неравенства. Полагаю, что нет оснований утверждать, будто земля находится в собственности лишь части общины, ее родового ядра, членов локализованного рода — она принадлежит всему трудовому коллективу в целом. Точно так же нет оснований утверждать, что повседневными делами общины, основными ее экономическими функциями ведают люди, живущие в других местах, хотя бы они и были членами рода, на земле которого живет община, — нет, всем этим ведают сами члены общины независимо от родовой принадлежности. И даже если соседи какой-либо общины, по предварительной договоренности или без нее, добывают средства существования на ее земле, территория, на которой члены общины, все без исключения, имеют преимущественное право охотиться, собирать растительную пищу, добывать сырье для орудий, находится в ее собственности. Иной формы реализации права собственности на землю, собст-

венности в экономическом смысле слова, первобытное общество не знает.

Мы говорим о том, что исторически родовая организация возникла внутри общины и на ее основе, но что, возникнув, род постепенно приобретает все большее значение как социально-регулирующий институт. Принадлежность к роду определяет мировоззрение и поведение австралийцев, их нормативно закреплённые взаимоотношения с другими людьми, в частности указывает, на ком можно жениться, следовательно, конструирует и саму общину. Заключение браков внутри общины, а значит, и сам ее состав, отныне регулируется родовой принадлежностью вступающих в брак, что, в свою очередь, связывает представителей различных общин и родов, вступающих в брак, не только родственными, но и экономическими узами, как весьма доказательно показывает Ф. Роуз. Вследствие всего этого род начинает рассматривать себя собственником не только тотемических святынь, но и самой земли, на которой они расположены.

Объективная, реально существующая общинная собственность на землю с развитием родовой организации воспринимается людьми как родовая. Социальной психологии вообще свойственно воспринимать объективные, реальные отношения сквозь призму идеологических наслонений. Да и сами исследователи подчас смешивают идеологическое по преимуществу отношение рода к земле, на которой находятся тотемические святыни, с экономической собственностью на землю. Это происходит, возможно, потому, что сами члены родовой общины зачастую не различают идеологическое отношение к земле и экономическую по своему содержанию собственность на землю. Иначе говоря, тотемическое, религиозно-культовое отношение к земле неправомерно отождествляется исследователями с собственностью как экономическим отношением, и в этом они нередко следуют за самими аборигенами. Но, будучи родовой по форме, по внешнему своему выражению, собственность на землю все же остается общинной по существу.

Содержание понятия «собственность» составляют объективные отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства и присвоения ими материальных благ. Но отношения собственности воспринимаются людьми субъективно, и в этом — одна из причин того, что общинная собственность выступает в сознании людей как

собственность родовая. Такое субъективное восприятие отношений собственности не исключает, конечно, того, что по мере развития рода он, в лице части его членов, может стать и фактическим распорядителем земли, но этот процесс не является необходимым и универсальным и, как правило, реализуется лишь в относительно редких, строго определенных социальными нормами случаях, что можно наблюдать в отношениях типа «владелец» — «управляющий», о которых пишет Ф. Роуз.

Объективные экономические отношения внутри первобытной общины находят многообразное — нередко противоречивое — нормативное выражение. И все же исследователь, хочется отметить, должен отличать объективно-экономические отношения собственности от субъективно-идеологического их выражения, от их преломления в общественном сознании. Формальная родовая собственность на землю еще не свидетельствует о фактической экономической собственности рода на землю и естественные ресурсы. Не является она и «пережитком» далекого прошлого, когда род был якобы экономическим институтом. Она — не пережиток исчезнувших отношений, а свидетельство становления новой их системы, укрепления родовой организации, продолжающегося в этнографической современности.

Гораздо определеннее, четче выступает общинная собственность на землю у тех охотников и собирателей, где родовая организация еще не сложилась или по тем или иным причинам исчезла — у бушменов, эскимосов, у многих других народов Африки, Америки, Юго-Восточной Азии, при всех социально-исторических, культурных, экологических различиях между ними. Экономические отношения не затемнены здесь родовыми наслоениями и предстают в более обнаженном облике. Эти и другие факты и проблемы, о которых говорится в настоящем предисловии, подробно рассмотрены в моей книге «Первобытная доземледельческая община» (М., 1986).

В работах многих авторов недостаточно отражена внутренняя динамика общины, что ведет к неясностям и противоречиям в описании ее структуры: у одного автора мы читаем о стабильности общины и ее состава, у другого — о ее неустойчивости и изменчивости. По мнению Ф. Роуза, любая группа аборигенов, с которой вступал в контакт наблюдатель, «всегда выступала в основе своей производственной единицей», тогда как другие исследователи,

у других охотников и собирателей, различают целевую, или производственную, группу и «региональную общину», которая якобы не является производственной единицей.

В действительности, как показывают материалы по охотникам и собирателям всех регионов, у этих народов общинная структура характеризуется, в принципе, едиными универсальными чертами: общины состоят из семей и в определенное время года, в зависимости от условий хозяйственной жизни, распадаются на небольшие группы семей, или хозяйственные группы. Кроме того, для выполнения единовременных задач (войны, охоты, собирательства) общины выделяют из своей среды целевые группы, состоящие из мужчин либо женщин. Будучи относительно стабильным институтом, община в то же время является совокупностью подвижных, меняющих свой состав и величину хозяйственных групп. В определенное время года хозяйственные группы рассеиваются по территории общины, чтобы затем снова объединиться; цикличность состояний дисперсии и концентрации находится в зависимости от цикличности природных условий. Община как бы совмещает в себе две противоположные тенденции — стабильность и устойчивость, с одной стороны, непостоянство и изменчивость, с другой. Это делает ее гибким социальным образованием, способным перестраиваться в соответствии с изменениями в природной среде, в демографической ситуации и, наконец, и прежде всего, в связи с требованиями хозяйственной деятельности. Именно пластичность и адаптивность общинной структуры, главного производственного механизма первобытного общества, позволили первобытному человечеству сохраниться в самых неблагоприятных климатических условиях и заселить целые континенты. В этом — один из главных источников устойчивости и жизнеспособности первобытно-общинного строя. Названные свойства и сделали общину ведущей его общественной формой.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему. Формулируется она следующим образом: характеризуя традиционное общество аборигенов Австралии, можем ли мы, и в какой мере, опираться на современные этнографические материалы? У Ф. Роуза есть замечания относительно того, что выводы этнографов, работавших среди аборигенов в послевоенные годы, нельзя переносить на традиционное общество. В то же время он пишет и нечто иное, например что значительная часть аборигенов племени

валбири в 1950-е годы, когда их изучал М. Меггит, вела традиционный образ жизни охотников и собирателей. Надо сказать, что верно, на мой взгляд, последнее утверждение и относится оно не только к валбири — многие исследователи и после второй мировой войны имели возможность наблюдать аборигенов, еще сохранявших традиционный образ жизни. Если он и существенно менялся, то такие перемены охватывали не все стороны жизни и не все группы аборигенов одновременно; они находились в зависимости от конкретных исторических и социальных условий. Исследователь, полагаю, в состоянии учесть характер, глубину и направленность перемен, выяснить, в чем именно и в какой мере выразилось воздействие колонизации и иных факторов, а значит, и восстановить первоначальную картину. Наконец, этому помогают сравнительные исследования, опирающиеся на сопоставление современных материалов с источниками прошлого века, когда перемены еще не наступили.

Наши критические замечания ни в коей мере не умаляют значения книги Ф. Роуза. Они относятся к сложным и дискуссионным вопросам, имеющим весьма важное теоретическое значение, где существуют иногда и противоположные взгляды. Здесь мы только хотели, в интересах научной истины, показать, что возможен иной подход к тем же вопросам. Важность этих проблем оправдывает и даже требует их обсуждения.

Рассматривая кардинальную проблему истории первобытного общества — проблему социально-экономических отношений в обществе охотников и собирателей, — автор насыщает свою книгу изобилием фактов и мыслей, причем очень многое у Роуза по-настоящему своеобразно. Особенную, и уже отмеченную мною, ценность, безусловно, представляют результаты полевых исследований автора. Упомяну, к примеру, главу о семье у аборигенов Австралии, где читатель найдет яркий материал о браке и его экономическом содержании, о возрастной структуре брака и полигинии, об экономическом значении инициации, о классификационных системах родства, которые автор освещает по-новому — именно как отражение производственных отношений. Нельзя не отметить такие крупные проблемы, поднимаемые автором, как соотношение биологического и социального, природного и человеческого, как планирование в первобытном обществе. Этот перечень можно легко расширить — круг научных интересов Ф. Роу-

за, основанный на его колоссальном опыте, весьма обширен.

Итак, перед нами книга, полезная не только для специалистов. Ее с интересом прочтет каждый, кого волнуют проблемы генезиса человеческого общества и культуры. Таких людей становится все больше, все чаще и настойчивее обращается современное человечество к своему далекому, первобытному прошлому, отыскивая в нем ответы на многие вопросы современной жизни, ибо там, в глубинах истории, заложены истоки всего того, чего достигло человечество на своем пути.

Современного человека поражают богатство, разнообразие и насыщенность общественной и духовной жизни людей каменного века. Их жизнь, теперь достаточно всесторонне изученная этнографами, оказалась совсем не такой бедной и примитивной. За внешней отсталостью открылось богатство и материальной культуры, и духовного мира, бесконечное многообразие обрядов, верований, мифов, сюжетов и форм изобразительного искусства, других проявлений народного творчества, сложнейшие системы родства и непростая, хотя и соответствующая первобытному укладу, социальная организация.

Жизнь аборигенов Австралии продолжается. Согласно последним официальным данным, относящимся к 1981 г., их численность составляет 145 тыс. человек. Более 20 тыс. из них живут на своих коренных землях, при миссиях и правительственных поселениях в отдаленных областях Северной Территории, Квинсленда и Западной Австралии. Они еще сохраняют отдельные элементы традиционной культуры и общественного строя. Некоторые группы не отказались от охотничье-собираательского хозяйства и проводят часть времени в традиционных условиях, а другую — в постоянных поселках, сочетая сезонно-оседлый образ жизни и работу по найму с охотой и собирательством. Увеличивается количество коренных жителей Австралии в городах. Из-за невозможности получить удовлетворительное образование и вследствие бытующих в обществе расовых предрассудков большинство из них вынуждено довольствоваться неквалифицированной работой. Средний годовой доход семьи составляет у аборигенов 6 тыс., а у остальных австралийцев — 12 тыс. австралийских долларов. И все же, несмотря на тяжелую и сложную экономическую ситуацию, с каждым годом увеличивается число аборигенов, получивших среднее и высшее образование.

Интеллигенция, вышедшая из среды аборигенов, вносит своей деятельностью значительный вклад в развитие современной национальной культуры и в борьбу за улучшение условий жизни. Аборигены уже выдвинули из своей среды самобытных писателей, поэтов, художников, идеологов национального движения. В Центральной Австралии, в Алис-Спрингсе, аборигены издают собственную газету. Здесь же находятся первая в Австралии коммерческая телевизионная станция, обслуживаемая и руководимая аборигенами, и служба радиовещания для аборигенов Центральной и Северной Австралии.

Новые тенденции в национально-освободительном движении и этническом развитии аборигенов наметились в 1970-е годы. Основным направлением политической борьбы аборигенов стало требование возратить им в собственность древние племенные земли. Можно сказать, что социально-политическое и этническое развитие аборигенов происходит сейчас под знаком борьбы за право на землю предков. В этом ярко отразилось все значение для аборигенов связей с землей, не только экономических — последние в большинстве случаев под натиском колониализма утрачены, — но и духовных связей с нею. В 1976 г. австралийское правительство приняло Акт о земельных правах аборигенов Северной Территории, в соответствии с которым 32% земель штата отошло к аборигенам на правах их общинной собственности. В 1982 г. в Южной Австралии был издан Акт о земельных правах крупной этнической группы — пьюнтьяра, в соответствии с которым они получили право коллективного владения своими коренными землями. В 1983—1985 гг. были приняты аналогичные законодательства в Новом Южном Уэльсе, Квинсленде и Западной Австралии. В распоряжение аборигенов предоставлено уже свыше 11% территории континента, и процесс передачи им в собственность новых земель, главным образом бывших резерваций, продолжается. Осложняется этот процесс прежде всего тем обстоятельством, что на территориях, с которыми аборигены традиционно связывают себя, сосредоточены природные ресурсы, на которые претендуют крупные горнодобывающие компании. Именно по этой причине аборигены нередко оказываются не в состоянии полностью реализовать права, формально предоставленные им земельными законодательствами.

Одним из самых примечательных явлений последних

лет является так называемое движение децентрализации. Группы аборигенов, численностью в несколько десятков человек, покидают миссии, правительственные поселения, фермы, уходят на свои древние племенные земли и основывают там так называемые «внешние поселения», возрождая утраченные общинно-родовые связи. Движением охвачены те области континента (Северная, Центральная и Западная Австралия, Квинсленд), где в наибольшей степени сохранились традиционная социальная организация и культура аборигенов. На земле предков они стремятся освободиться от навязываемого им контроля и организовать свою жизнь так, чтобы зависеть от чуждого им общественного устройства как можно меньше. Одни группы возвращаются к охотничье-собирательской деятельности, сочетая ее с современными формами жизни, другие (таких больше) создают на кооперативных началах земледельческие и скотоводческие хозяйства или художественные мастерские. В тенденции к созданию кооперативов проявляются давно укоренившиеся начала коллективизма. Для децентрализованных групп характерен более определенный возврат к традиционным нормам общинной жизни, к древним религиозным верованиям и обрядам. Во «внешних поселениях» появляются продовольственные склады, медпункты, школы. Аборигенам удается удовлетворять свои нужды в значительной мере собственными силами.

Движение децентрализации принимает все более совершенные формы. Так, в Центральной Австралии им руководит организация, созданная самими аборигенами, с центром в Алис-Спрингсе. Название ее Ингкерреке, что означает «Люди, работающие вместе». Она оказывает вновь созданным поселениям всевозможную материальную помощь, содействует им в приобретении земли, строительстве жилищ, улучшении бытовых условий, а главное, поддерживает и развивает у соплеменников самосознание, чувство собственного достоинства. Подобные организации, как и все движение в целом, порождены стремлением аборигенов к самостоятельному существованию, к управлению своими делами. Это — выражение осознанного единства и солидарности когда-то разобщенных племен и общин. В настоящее время насчитывается до 400 «внешних поселений» в различных штатах.

Примером успеха движения децентрализации стало правительственное поселение Манингрида на севере Австралии, в Арнемленде, где было собрано более 1 тыс. корен-

ных жителей континента из различных племен. В 1970 г. они начали покидать Манингриду и к 1977 г. образовали 18 «внешних поселений», куда переселилось около 800 человек. Они стремились начать там новую жизнь, основанную на традиционных ценностях, но с сохранением тех элементов европейской культуры, которые представляются им полезными. У них появились клиника, радиостанция, автомобили, моторные лодки; в школе учитель-абориген преподает на местном и английском языках. Во «внешних поселениях» Центральной Австралии развиваются земледелие и скотоводство — формы производящего хозяйства, не свойственные предкам аборигенов. Такова диалектика движения децентрализации — возвращение к духовным ценностям прошлого и обращение к современным достижениям техники и хозяйствования. И обе тенденции сочетаются органично. Децентрализованные поселения имеют немало нерешенных проблем, но аборигены хотят сами решать собственные дела, сами определять свое будущее.

К числу важнейших событий современной истории аборигенов следует отнести и развернувшееся в последние годы движение за национальное самоопределение. Культурная и языковая разобщенность, общинный и племенной сепаратизм, надо признать, все еще глубоки, но социальные и политические организации аборигенов, их идеологи национально-культурного возрождения стремятся преодолеть разобщенность и выковать новую этническую общность, которой не было прежде, — общность аборигенов Австралии как этническое целое, с едиными национальными интересами и задачами, с собственной самобытной национальной культурой и демократическими традициями. В этом процессе все большее значение приобретает традиционное культурное наследие, прежде всего ценности духовной культуры. Аборигены не просто хотят жить на своей земле. Земля снова обретает для них всю свою ценность, теперь уже не только экономическую, — она символизирует для них связь с культурным наследием, с прошлыми поколениями, она становится символом национального возрождения.

В. Р. Кабо